

Парфенов Леонид

Леонид Парфенов популярен и даже получил приз как самый элегантный телеведущий. Придётся по этому поводу у очередного модного кутюрье (размер пиджака — 50, рост — 180). Фамилия Парфенов прочно ассоциируется с забытым было словом «намедни». Если же посмотреть шире, то в «Намедни» на НТВ он появился именно намедни, сменив перед этим молодежную редакцию «12-го этажа» на АТВ, потом на «Взгляд» и теперь на НТВ. «Я от бабушки ушел, я от...»

— Да, колобок. Это я сам давно придумал и всем так говорю. Впрочем, тогда это не было каким-то значимым изменением в судьбе. Это сейчас, когда существуют совершенно независимые компании, переход меняет жизнь. Я не могу продолжать делать то, что мне скучно. Я могу делать только то, что мне нравится.

— И как быстро тебе становится скучно?

— Применительно к ТВ — это когда все ясно и начинается буксование на месте, например, «Портрет на фоне». Там обязательно должна быть сверхфеноменальная фигура или феноменальность, с ней связанная, очень сложно было выпрыгнуть из этого формата.

— И все же «Портреты», по-моему, были твоим самым крупным успехом.

— Не знаю, не знаю...

— А кто придумал проект «Намедни»?

— Название мое и небритость моя, и все строилось под меня.

— Ты говоришь, что плохой организатор...

— Я не могу организовать дело, но я могу организовать материал. В смысле журналистики мне многое ясно. Но мне ничего не ясно в заключении договоров, рекламе и т. п. Это другая профессия. Я это все время упорно всем доказываю. Для этого нужен другой уклад башки.

— А почему тебя это так волнует?

— Потому что сейчас это принято смешивать. Передача — это бизнес. У всех.

— Но рекламные вставки появились впервые именно в «Намедни».

— Это Малкин сделал. Я к этому не имею никакого отношения. Я потом в ВИДе несколько раз пробовал тогда сам вставлять рекламу и оба раза делал это не так и не туда. Разбаш меня за это ругал. И в его организаторской башке не умещалось, как же такое можно было сделать.

— А в чем было дело-то?

— Ну, например, мне сказали, что белое — это белое, а черное — черное, например. Я же пока шел до аппаратной, все забыл и перепутал.

— Чем твоя программа отличается от обычных новостей?

— Это не мне определять. Моя цель в том, чтобы более-менее адекватно передать свои мысли о событиях. Это и будет всегда отлично от других, которые сделают все по-другому. Перед столетием Хрущева я две недели слушал разные фонограммы. У меня был вариант: либо я беру песню «Замечательный сосед», либо «Человек из дома вышел», либо «Значит человеку хорошо». По самым разным причинам все это отпало. Потом нашли другую, лучшую запись, склеили хронику. Это было адекватно тому, что я хотел сказать о Хрущеве. И меня абсолютно не беспокоит, что для этой цели

будет делать еще кто-то. Я сделал свое.

— Считаешь, что «Портреты» сами себя изжили?

— Нет, слава Богу, я их прикончил до того, как они это сделали сами. Программа была в нормальной форме...

— А «Намедни», значит, неисчерпаема?

— Здесь я еще буду кое-что менять. Последний большой материал был о проблемах, связанных с шестью сотками. Мы провели всероссийский опрос о том, какая рассада выращивается дома для последующей посадки на участке. Конечно, больше всего помидоров и огурцов. Это отражает современный уклад нашей жизни. И мы

другом семьи или навязать свое общество кому-то во вне рабочее время. Я исследую социальный феномен — как личность отразилась на обществе. Важно, что такое образ Пьехи или Кристаллинской в тогдашних оценках женской красоты и т. п. По совокупности этого — человеку, который тогда не жил, становится ясна та атмосфера. Квинтэссенцией, сгустком которой являлся, например, жгучий брюнет, худощавый, с огромными раскинутыми руками. Который прекрасным оперным голосом мог петь эту «квенти-кватро-милочачи» — первый рок-н-ролл.

Панфиловым — он ведь был и автором сценария. Она за это ругала меня, а не тот источник информации, на который я ссылался.

— Ты сознательно лоялен со всеми или так просто получается?

— Два случая было, когда герои смотрели предвзвешенно материал. Это Белов и Пугачева. У других, наверное, просто желания не было. Я был удивлен, что от Рудского никто не проявил интереса. Они сначала об этом говорили, а потом все как-то забылось...

— Тебе важно, чтобы «Намедни» были именно неполитическими новостями?

— Меня никогда сильно не интересовала политика. Я до сих пор не могу понять, что стоит за фразами вроде — «приводя сильную политику...». В политике, если что интересно, так это феноменальности. Шеварднадзе: «Что такое Грузия...» (грузинский кинематограф). Обязательно, чтобы белая «Волга» с литерой «ТА». Ручкой... Какой русский характер стоит за этим политическим явлением? Прибалтика: «Купите рижский бальзам, купите у нас янтарь, ну купите себе — вам понравится...» Раймонд Паулс. Лица, которые они поставляли, чтобы у нас в кино играть немцев. «Единственное место на территории СССР, где носят бабашки». Политика сейчас скучна особенно. Все уже решено в принципе. Строй сменился, остались одни внутренние разборки.

— Власть имущие — скучные люди?

— Обыкновенные. Казенные кабинеты. Я видел кабинет Горбачева. И это первый кабинет всей системы? Пыжились-пыжились и вот это родили? Это зал ожидания богатой парикмахерской. Кожаные уголки в кабинетах, безбрежные столы, 17 телефонов. Семнадцать телефонов производят впечатление семнадцати галстуков, надетых разом.

— А на выборы ты ходил?

— Какой смысл?

— Значит, по-твоему, политике нужно по-возможности убирать с экрана?

— ТВ — это массовая культура.

И давайте работать по ее законам. В стране 180 миллионов телевизоров, давайте как-то этому соответствовать. Надо делать то, что интересно большому количеству людей. ТВ — это информация, стереотип, скороговорка при показе. Этот жанр не плохой и не хороший — такой, какой он есть. Есть спичечная этикетка и есть картина Крамского. Нельзя о Крамском судить по спичечной этикетке, а этикетку осуждать за профанацию. ТВ, как спичечный коробок, должно быть доступным, массовым. Оно употребляется сейчас, в эту минуту.

— В соответствии с этой массовостью ты и отрицаешь себе эту щетину на лице?

— Щетина сейчас слаба. Все не могу купить себе специальную бритву. Задешево не встречаю и по дурацкой психологии не покупаю дорого. Она стоит 120 долларов, а меня убедили, что можно купить и за 30. Щетина — это мое, я таким по жизни хожу.

— Что общего у всех телеведущих?

— Хорошее ТВ — это синтетическая штука. Нет практически ни одного телеведущего, который является телеведущим. Листьев, Любимов — радио, Масляков — инженер-строитель, Кнышев — тоже, Якубович — профессиональный эстражник. Тому, что составляет собственно ТВ, научаешься довольно быстро. А дальше твои собственные качества.

— У тебя жена — журналист?

— Да.

— Дети?

— Двое.

— Квартира?

— Двухкомнатная.

— А когда будет отдельный дом?

— До конца этого тысячелетия мне подобное не грозит. Пока не видел у нас людей, которые на доходы с ТВ построили дом.

— Но вообще ты жизнью доволен?

— У меня все как бы само складывается. У всех ведь равное количество шансов. Человек либо готов шансом воспользоваться, либо нет. Я готов. Что касается быта — раздражает отвратительная экология и долгие поездки по городу.

Большой город все-таки не для жизни.

Элина НИКОЛАЕВА.

ПРОВИНЦИАЛ

С ИНФОРМАЦИОННЫМ КОМПЛЕКСОМ

Леонид ПАРФЕНОВ:

«ТВ-это скороговорка»

яснили эти внутренние противоречия. С одной стороны — это частная собственность, а с другой — это натуральное хозяйство. У водителя или старшего научного сотрудника не хватает денег на огурцы? Цивилизованный выход — зарабатывать больше денег, чтобы на огурцы хватало. А у нас — идут и выращивают огурцы сами, вместо того, чтобы эффективно работать за большие деньги. Потому что у нас нет никакой цены личного времени. Если прикинуть, то на эти овощи уходит 20 человеко-дней, которые, впрочем, для большинства ничего не стоят.

Мне хочется добиться того, чтобы мои неполитические новости не были «курьером всех муз». Мне кажется, что неполитические новости — это, прежде всего, информация об образе жизни. О том, как принято жить, об укладе жизни, о том, что считают до-

рогим, что дешевым. Что — хай-классом, что — убожеством. Мы плохо знаем себя сегодняшних.

— И обо всем этом ты вещал и будешь вещать непременно стоя?

— Я с самого начала хотел, чтобы была трибуна. Это было динамично. Сидение предполагает неспешное течение. А стоя — это почти на ходу. Что-то сказал и пошел...

Предполагает более короткие появления. Это стимулирует к большей жесткости.

— НТВ — элитная компания. Действительно ли там все так хорошо в организации и прочем?

— В западных компаниях я не работал, сравнивать не могу. Но здесь на порядок выше, чем в «Останкино». Мне импонирует та разборчивость, с какой Малашенко подходит к новому проекту. Так что к компании я отношусь с патриотизмом.

— У нас принято все передирать — привычки, манеры. Ты не замечал, у тебя воруют что-нибудь?

— Ну разве что некоторые коллеги стали говорить: «Привет!» Тогда я перестал сразу. В свое время мой начальник все отыскивал в этом какой-то умысел: «Кому ты хочешь понравиться?» Я говорил: «Если вы намекаете на какую-то нетребовательную девичью среду, то петушницы сейчас не говорят «привет».

— Ты родом из Вологодской области. И как тебе пришла такая замечательная идея поехать в Москву и работать на телевидении?

— Я работал в журналистике. У меня были публикации от «Огонька» до «Правды». Я робости не испытывал. Среди телевизионщиков очень много немосквичей.

— Почему, по-твоему, нестоличные более активны?

— Знаешь, если ты вынужден сам делать себе все — от квартиры до работы, включается некий внутренний мотор.

— У журналистов есть слабость «погреться в лучах чужой славы», особенно этим грешат экс-провинциалы, своего рода комплекс... У «Портретов» не отгула ли ноги росли?

— У Макаревича есть замечательная фраза: «Нравится тебе картина художника? Ну и не знакомы ты с ним». Нет, комплексов на этот счет у меня никогда не было. У меня нет необходимости близко знакомиться с интервьюируемыми. Я не пытаюсь стать

